

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 2 МАРТА ДОПРОС ПОДСУДИМОГО БЕССОНОВА

Председательствующий Ульрих. Подсудимый Бессонов, вы подтверждаете те показания, которые дали на предварительном следствии?

Бессонов. Да, подтверждаю.

Вышинский. Вы вступили в эсеровскую партию в 1912 году?

Бессонов. Да.

Вышинский. И в этой партии были?

Бессонов. До 1918 года.

Вышинский. Ваше отношение к Октябрьской революции?

Бессонов. Эсеровское.

Вышинский. То есть?

Бессонов. Вместе с другими эсерами я не принимал Октябрьской революции.

Далее на вопросы государственного обвинителя тов. Вышинского подсудимый Бессонов показывает, что в 1918 году его отношение к Октябрьской революции, к коммунистической партии продолжалось оставаться отрицательным, и что он резко отрицательно относился к заключению Брестского мира.

Вышинский. Когда вы вступили в коммунистическую партию?

Бессонов. В 1920 году, в мае месяце.

Вышинский. Когда вы вступили на путь троцкистской деятельности?

Бессонов. Я работал в 1931 году в Берлинском торгпредстве СССР и завел отдел торговли.

В процессе переговоров, которые советское правительство вело в 1931 году с германскими промышленниками относительно предоставления кредитов, я оказался одной из наиболее активных фигур в переговорах. И на этой почве тесно связался с Пятаковым, который вовлек меня в троцкистскую организацию.

Вышинский. По каким же обстоятельствам выбор остановился на вас?

Бессонов. Я представлял из себя одну из наиболее, я бы сказал, прочных фигур в составе Берлинского торгпредства.

Вышинский. Вы согласились на эту роль?

Бессонов. Да, я согласился.

Вышинский. В то время вам было известно, что троцкистская организация под руководством Пятакова, как представителя Троцкого в СССР, и самого Троцкого ведет уже определенную заговорническую конспиративную подрывную работу?

Бессонов. Да.

Вышинский. Вы тогда из разговоров с Пятаковым узнали, что существует оформленная организация?

Бессонов. Да.

Вышинский. Под чьим руководством эта организация действовала?

Бессонов. Пятаков несколько не скрывал, что организация в целом руководствовалась директивами Троцкого.

Вышинский. Что конкретно вам говорил Пятаков относительно правых и кого он называл?

Бессонов. Пятаков говорил, что предпринимались шаги для установления организационного контакта с правыми.

Вышинский. С кем именно?

Бессонов. С Бухариным, Рыковым и Томским.

Вышинский. Обвиняемый Бухарин, вы можете подтвердить показания Бессонова, что в этот период ваша группа вела переговоры с зиновьевской организацией о вашей работе?

Бухарин. Я подробно показывал в своих показаниях на предварительном следствии, что попытки контакта правых с зиновьевцами, а потом и с троцкистами были и раньше.

Вышинский. Вы — обвиняемый Бухарин, а также Рыков и Томский — вели переговоры с Пятаковым и другими троцкистами об объединенных действиях против советской власти?

Бухарин. Да.

Вышинский. (К Бессонову). Продолжайте ваши объяснения.

Бессонов. Пятаков поставил передо мной задачу — организовать систематическую постоянную связь с Троцким. После нескольких разговоров с ним на эту тему (это было в начале мая 1931 года) и по его совету я с рекомендательной запиской Пятакова разослал в Берлине сына Троцкого — Седова и через него передал первое письмо Пятакова к Троцкому.

Вышинский. Скажите где, когда, в какое время и при какой обстановке вы вручили ему письмо?

Бессонов. Я мог установить связь с Седовым любым образом, но, по совету Пятакова, для того, чтобы не очень афишировать это дело, воспользовался адресом, который он указал в одной из дневных берлинских газет. И по этому адресу в конце мая 1931 года я с рекомендательной запиской Пятакова и разослал Седова и вместе с ним краткий разговор.

Через некоторое время, встретившись с Седовым заранее условленным способом, на одном из берлинских вокзалов, я ему передал письмо от Пятакова к Троцкому. Вместе с тем были переданы и первые деньги, которые дал мне Пятаков.

Вышинский. Какие деньги?

Бессонов. Он дал мне две тысячи марок для передачи Седову специально на расходы, связанные с переправкой первых писем.

Вышинский. Что это были за деньги?

Бессонов. Это были деньги советского государства, предоставленные Пятакову,

как председателю комиссии по переговорам...

Вышинский. Выходит так, что Пятаков крал государственные деньги? Воровал их и направлял эти деньги на помощь троцкистской организации?

Бессонов. Да, совершенно верно.

Вышинский. А вы ему помогали в этом деле?

Бессонов. Да.

Вышинский. Финансирование троцкистской организации за счет интересов советского государства продолжалось ли дальше?

Бессонов. Безусловно.

Вышинский. Продолжайте.

Бессонов. Во время первого свидания с Седовым он поставил вопрос о том, чтобы для постоянной связи с Троцким выделить специального человека.

Вышинский. Это была инициатива Седова?

Бессонов. Да, я говорил об этом с Пятаковым. Он считал это совершенно правильным и вскоре (это было в конце июня или в начале июля 1931 г.) позвонил мне с инженером Райхом, в то время работавшим в отделе черной металлургии Берлинского торгпредства, человеком, который очень хорошо знал Европу, в частности, Европейскую металлургию, бывавший в разных странах, говорил на нескольких европейских языках.

Вышинский. А главное?

Бессонов. И самое главное, с 1923 года был троцкистом.

Вышинский. Вы его до этого момента не знали?

Бессонов. Я видел его иногда в коридорах торгпредства.

Вышинский. И вот, вас связал с ним, как с троцкистом Пятаков?

Бессонов. Да.

Вышинский. Ну, это ясно. А когда Райх стал Иогансоном?

В своих дальнейших показаниях подсудимый Бессонов говорит, что Райх в 1931 году при помощи троцкистов превратился в Карла Иогансона, Бессонов сообщает, что Райх в конце 1931 или в начале 1932 года, будучи сотрудником советского торгпредства, благодаря содействию троцкистов стал датчанином и неволевым участником в Берлинском торгпредстве.

Вышинский. Что же, этот Райх играл крупную роль в смысле связи по троцкистским делам?

Бессонов. Его работа выражалась в систематическом призыве и отвозе корреспонденции. Во-вторых, он организовывал встречи с Троцким или с Седовым, когда это нужно было.

Вышинский. Встречи с вами?

Бессонов. Я имею в виду встречу Пятакова в 1932 году. Затем я имею в виду встречу Крестинского с Троцким, которая была в октябре 1933 года.

Вышинский. Значит, в октябре 1933 года, при помощи Райха, была организована встреча Крестинского с Троцким?

Бессонов. Когда Крестинский поздним летом 1933 года приехал лечиться в Германию, он долгое время оставался в Берлине. Он имел со мной два раза разговор, который можно было характеризовать, как разговор членов троцкистской организации. Первый разговор касался относительно условий свидания между Троцким и Крестинским.

Вышинский. Кто же желал этого свидания: Троцкий или Крестинский?

Бессонов. Крестинский.

Вышинский. Следовательно, вы оказали Крестинскому содействие в организации встречи с Троцким?

Бессонов. Крестинский знал, что я организовывал это дело, но как я организовывал это дело, Крестинский не знал.

Вышинский. (Крестинскому). С Бессоновым вы виделись? Разговаривали?

Крестинский. Да. Он был советником торгпредства в Берлине и в это время исполнял обязанности поверенного в делах. Он информировал меня о политическом положении в Германии, о настроениях в фашистской партии, которая в то время была у власти, об их программе и установке по отношению к СССР.

Вышинский. А о троцкистских делах?

Крестинский. Мы с ним не говорили. Я троцкистом не был.

Вышинский. Значит Бессонов говорит неправду, а вы говорите правду. Вы всегда говорите правду?

Крестинский. Нет.

Вышинский. Подсудимый Бессонов, когда имел место ваш разговор с Крестинским о троцкистских делах?

Бессонов. В Берлине был не первый разговор, а второй. Первый имел место в Москве, в мае 1933 года. Вернувшись в Москву вместе со всей торговой организацией из Англии, я был назначен советником торгпредства СССР в Германии. Прежде чем принять этот пост, я имел длительные беседы с Пятаковым и Крестинским.

Вышинский. Где вы разговаривали с ним?

Бессонов. В кабинете Крестинского, в НКВД.

Вышинский. О троцкистских делах?

Бессонов. Да. Крестинский мне сказал, что на основе рекомендации Пятакова он считает необходимым со мной говорить совершенно откровенно относительно тех задач, которые стоят передо мною в Берлине, Пятаков неоднократно и до этого говорил мне, что моя работа в

Германии в течение 1931—32 гг., безусловно, создала мне, как члену троцкистской организации, определенную популярность и симпатии среди известных кругов германских промышленников и отчасти германских военных, популярность, которая теперь должна быть использована для новых задач. Эти задачи Крестинский формулировал следующим образом, что я на должности советника берлинского торгпредства должен в первую очередь и раньше всего приложить все усилия к тому, чтобы задерживать и по возможности не допустить нормализации отношений между Советским Союзом и Германией на обычном нормальном дипломатическом пути.

Вышинский. Подсудимый Крестинский, вы не припомните таких «дипломатических» разговоров с Бессоновым?

Крестинский. Нет, у нас не было таких разговоров.

Вышинский. Вы говорили о том, что он должен делать за границей, или не говорили?

Крестинский. Конечно, говорил, что он должен стараться создавать нормальные отношения в тех пределах, в которых это возможно.

Вышинский. Обвиняемый Бессонов, правильно говорят Крестинский?

Бессонов. Совершенно неправильно. Больше того, Крестинский в том разговоре дал мне подробную организационную директиву, каким образом я должен с ним сношаться в будущем. Помимо официальных писем, которыми обмениваются Германия с НКВД, я должен буду состоять в переписке с Крестинским. И если в этой переписке Крестинский отговаривался, что он держится в текущих вопросах советско-германских отношений такой-то точки зрения, что он советует обходить в этом вопросе официальные директивы, то это означает, что я должен буду действовать в духе его «сливной» точки зрения, независимо от того, какие будут официальные директивы. И, наконец, в-третьих, Крестинский отправлял к своему ближайшему сотруднику по троцкистской линии и по слуховой линии Штерну для того, чтобы я мог получить адреса для установления связи с Троцким.

Вышинский. (Крестинскому). Значит, был такой разговор?

Крестинский. Нет.

Вышинский. Значит, то, что говорит Бессонов, надо понимать наоборот?

Крестинский. Не всегда.

Вышинский. Вы говорили, что «в состав троцкистского центра я формально не входил». Это правда или неправда?

Крестинский. Я не входил в состав троцкистского центра, потому что я не был троцкистом.

Вышинский. Никогда?

Крестинский. Нет, я был троцкистом до 1927 года.

Вышинский. Вы сообщали, что вы находились на особом конспиративном положении. Что это значит? «Особое конспиративное положение»?

Крестинский. Если бы это соответствовало действительности, то это означало бы, что я, будучи действительно троцкистом, принимаю все меры для того, чтобы скрыть свою принадлежность к троцкизму.

Вышинский. Прекрасно. А чтобы скрыть, надо отращивать свой троцкизм?

Крестинский. Да.

Вышинский. Сейчас вы заявляете, что вы не троцкист. Не для того ли, чтобы скрыть, что вы троцкист?

Крестинский. (После молчания). Нет, я заявляю, что я не троцкист.

Вышинский. (Розенгольцу). Как вы считаете, Крестинский был троцкистом?

Розенгольц. Он — троцкист.

Вышинский. Какие у вас данные, что Крестинский троцкист и, следовательно, он говорит здесь неправду?

Розенгольц. Это подтверждается тем, что Крестинский, которые были у меня с ним, как троцкистом.

Вышинский. Когда были эти разговоры?

Розенгольц. Эти разговоры были, начиная с 1929 года до 1937 года.

Вышинский. Обвиняемый Гринько, что вам известно о Крестинском, как о троцкисте?

Гринько. Я в своей заговорнической работе имел с Крестинским связь, как с заговорническим-троцкистом, как с членом право-троцкистского заговорнического центра, по вопросам весьма серьезного свойства, о которых я должен буду давать показания.

Вышинский. Кратко можете сказать по каким вопросам. По вопросам поддержки советской власти или борьбы с ней?

Гринько. По вопросам борьбы с советской властью, установления связи с враждебными советской власти иностранными государствами.

Вышинский. А вам неизвестно, был ли Крестинский связан с другими иностранными разведками?

Гринько. Он помог мне установить связь с одной из иностранных разведок.

Вышинский. Значит Крестинский вам помог установить связь с иностранной разведкой. Вы слышите это, обвиняемый Крестинский? Это правда?

Крестинский. Нет.

Вышинский. А вы дали показания, что это правда.

Крестинский. О том, что я помог Гринько установить связь?

Вышинский. Больше того, что вы сами были иностранным разведчиком.

Гринько. У меня есть еще один факт, о котором я хочу здесь сказать. Это то, что я помог Крестинскому, как бывшему заместителю Наркомадела, использовать валютные средства, которые накапливались в валютных разностях за границей и которые нужны были ему для целей финансирования троцкистов.

Вышинский. Скажите, пожалуйста, не было случая, чтобы Крестинский просил вас не производить ревизию валютного фонда?

Гринько. Об этом я и говорю.

Вышинский. Перейдем теперь к Бессонову. Что это за встреча в Мераме, кого с кем, когда?

Бессонов. Я показывал, что в начале сентября 1933 года, просажая через Берлин, Крестинский попросил меня устроить свидание ему с Троцким. Причем после предварительного обсуждения вопроса о том, где это свидание устроить, мы оба пришли к единодушному выводу, что это свидание нельзя устроить ни во Франции, ни в Германии. Тогда Крестинский предложил место свидания в Италии, в бывшем австрийском, а теперь итальянском курорте в Мераме, в Тироле. Я вызвал Иогансона, который мог организовать эту встречу, дал ему соответствующее задание и через некоторое время получил от него уведомление, что, несмотря на трудности, поездка Троцкого в Мераме может иметь место. И потом я узнал от Иогансона, что свидание Крестинского с Троцким в Мераме состоялось.

Вышинский. Обвиняемый Бессонов, о чем у вас были разговоры с Крестинским в последующее время?

Бессонов. Во время проезда Крестинского через Берлин, он касался того задания, который в то время в наших кругах произвел руководитель внешне-политического отдела национал-социалистической партии Германии Розенберг, по вопросу о возможности тайного соглашения между национал-социалистами в Германии и русскими-троцкистами в частности и прежде всего по вопросу о сырьевой базе для Германии. И в этой связи по вопросу об Украине. Этот эпизод стал известен мне через Крестинского. Крестинский вызвал меня в день отъезда в Кисинджер. Он был очень взволнован этим сообщением, советовался со мной, что делать? И в этой связи подчеркнул, что задание, сделанный Розенбергом, имел в виду именно пребывание Крестинского в Берлине. И Розенбергу и другим германским деятелям финансовая Крестинского была достаточно известна.

В этой связи Крестинский просил меня ускорить решение вопроса о его свидании с Троцким, потому что ему казалась целесообразным по такому важному вопросу получить директивы.

Ряд моментов переговоров Крестинского с Троцким в Мераме мне известны по информации самого Крестинского. Информация Иогансона подтверждала это свидание.

Вышинский. Расскажите о вашей троцкистской подпольной деятельности непосредственно в последующие периоды.

Бессонов. Я хотел бы закончить об

организации пункта связи. Пункт связи организован в 1931 году, существовал до 1937 года и, как Берлинский пункт связи, исчез вместе с моим отъездом из Берлина в Советский Союз в феврале 1937 года.

За это время было получено и отправлено от Троцкого большое количество писем. Иогансон был тем самым лицом, который вместе с Пятаковым совершил поездку в Осло и об имени которого Пятаков упоминал, когда давал показания на Военной коллегии в январе 1937 года.

Вышинский. От кого вам известно, что Иогансон организовывал Пятакову поездку и свидание с Троцким в Осло?

Бессонов. От самого Пятакова и Иогансона.

Вышинский. Расскажите про встречу с Троцким в Париже в 1934 году, что именно вам поручал Троцкий и что вы сделали по исполнению этого поручения?

Бессонов. Я получил через Иогансона короткое письмо-записку от Троцкого, в котором он писал об организации свидания с одним из троцкистов, имеющихся в Германии, для информации о событиях в Германии 30 июня. Я был единственными человеком, который мог туда поехать. В конце июля 1934 года я приехал в Париж личным поездом и уехал оттуда тоже с личным поездом.

Троцкий сказал, что он очень хорошо знает меня по письмам Пятакова и по рассказам Крестинского.

Вышинский. Что вы говорили с Троцким по поводу ваших троцкистских подпольных задач?

Бессонов. Он поставил задачу перед своими сторонниками, работавшими на дипломатическом поприще, о взятии линии на саботаж официальных соглашений, чтобы стимулировать интерес немцев к неофициальным соглашениям с оппозиционными группировками. «Они еще придут к нам», — говорил Троцкий, имея в виду Гесса и Розенберга. Он говорил, что нам в этом вопросе сестеняться ничего, что нам может быть обеспечена действительно серьезная настоящая помощь со стороны Гесса и Розенберга. Мы не должны, — говорил он, — останавливаться перед тем, чтобы пойти на широкие территориальные уступки.

Вышинский. Именно?

Бессонов. Мы пойдем на уступку Украине, говорил Троцкий, — учитывая это в своей работе и в своих разговорах с немцами, и я напишу об этом еще и Пятакову и Крестинскому. Дальше он остановился на вопросах, связанных с работой троцкистских организаций в Советском Союзе, и при этом с особенной силой подчеркнул, что в обстановке назревающей неизбежной войны единственно возможной формой прихода троцкистов к власти является поражение Советского Союза в этой войне.

Затем он с особой силой подчеркнул вопрос о необходимости обострения самых крайних террористических методов борьбы. Здесь он сказал как раз слова о том, что было бы, конечно, непростительным жеманством, если бы мы, его сторонники в Советском Союзе, не перешли сейчас к прямому уничтожению и устранению Сталина и всех его ближайших сторонников.

Неожиданно для меня он остановился в этой связи на Максиме Горьком, характеризова роль Максима Горького, как со-

вершенно исключительную в смысле его влияния не только в Советском Союзе, но прежде всего и раньше всего заграничьем, указывая на его чрезвычайную близость к Сталину и на то, что высказывания Максима Горького самым определенным образом отталкивают многих сторонников Троцкого из европейской интеллигенции от него, приближая их к политике руководства партии. И в этой связи он пришел к выводу и прямо мне сказал о необходимости устранить Горького, сказав те самые слова, которые здесь приводились, о необходимости физического уничтожения Горького во что бы то ни стало. Такова была директива.

Вышинский. Вы ее передали?

Бессонов. Да. Вскоре после этого, осенью 1934 года, я был в Москве и подробно рассказал об этом разговоре Пятакову.

Вышинский. Дальше.

Бессонов. В самом конце сентября или в первых числах октября 1936 года я встречался с Крестинским в Москве. Крестинский, очень взволнованный, сообщил мне о том, что дела у троцкистского центра обстоят очень неважно, что имеется целый ряд провалов, что арестованы Пятаков, Радек и целый ряд других, что не исключает возможность его собственного ареста и что он просит меня при моем возвращении в Берлин немедленно отправить от этого письменное сообщение Троцкому. Он говорил, что придется, в случае его ареста, передать все организационные связи Карахану, хотя он не представляет себе, как это конкретно можно сделать. Он просит меня даже два раза повторить, правильно ли я его понял, что положение, сложившееся у троцкистов в Советском Союзе к осени 1936 г., нужно характеризовать, как исключительно тяжелое, и что соглашение, достигнутое троцкистами с германской национал-социалистической партией по вопросу о возможности ускорения войны, облегчающей приход троцкистов к власти, должно быть форсировано во что бы то ни стало.

По приезде в Берлин я очень подробно изложил Троцкому об этом, получил от него на письмо ответ, который я направил Крестинскому. Затем, это было в декабре 1936 г., может быть в самом начале января 1937 года, я получил от Крестинского еще письмо для Троцкого, которое я видел, но не вполне в нем разобрался, потому что оно было написано условным языком.

Вышинский. Это письмо было кем, кому, когда написано?

Бессонов. Это письмо было написано в декабре 1936 года Крестинским Троцкому, которое оно было передано.

Вышинский. Вы его передали?

Бессонов. Я его передал через Иогансона в конце декабря 1936 г. И получил через несколько дней ответ от Троцкого.

Вышинский. А с письмом Крестинского вы знакомы?

Бессонов. Письмо Крестинского я читал, потому что оно было послано мое имя. Речь шла о том, что положение складывается таким образом, что дожидаться, пока раскатыются немцы, троцкисты не могут, и поэтому они широким санкциям выступить до развертывания войны, до выступления немцев, при помощи центра, который они организовали.

В конце утреннего заседания допрос подсудимого заканчивается.

ДНЕВНИК ВЕЧЕР